

20 июня скончалась Лия Моисеевна ЛЕВИНСОН

*Муз. обозрение. 2000 -
сент. (№ 9) - с. 19*

Об этом печальном событии редакции сообщили многие музыканты по телефону и пришли два некролога: один — из Чикаго, от известного пианиста Дмитрия Паперно, другой — от профессора Московской консерватории Екатерины Царевой. В нашей практике — это единственный случай, когда уход человека из жизни вызывает деятельное участие.

Мы решили опубликовать с некоторыми сокращениями оба некролога, тем более что они дополняют друг друга.

Не стало Лии Моисеевны Левинсон. Ее многочисленные студенты, как в России, так и рассеянные по свету, воспримут эту ожидаемую весть как личную горькую потерю.

Когда люди, сами уже умудренные опытом, теряют мать, — ее возраст не имеет значения. Лия Моисеевна была для всех нас музыкальной матерью — бесконечно доброй и щедрой, по-настоящему близким человеком.

Сейчас остается немного тех, кто помнит эту красивую, неповторимо женственную ассистентку А.Б. Гольденвейзера в Московской консерватории еще в довоенные годы. Думаю, что из всех помощников Александра Борисовича (а это — Д. Осипов, Т. Логовинский, Б. Хевелев, Н. Светозарова, И. Клячко, Л. Сосина), Лия Моисеевна была самым долголетним.

Сейчас это трудно представить, но первым большим педагогическим достижением Лии Моисеевны был триумф легендарной, тогда еще 16-летней Розы Тамаркиной, завоевавшей II премию на Третьем Шопеновском конкурсе в Варшаве. А сколько нас прошло через ее руки, более и менее одаренных, «средних», а иногда и совсем бесперспективных студентов общего фортепиано. И для всех у нее находились добрые, ободряющие слова и свежие музыкальные идеи, а главное — постоянное чувство служения Музыке, требующее полной отдачи и бескомпромиссной честности.

Превосходная пианистка (в 1933 на Первом Всесоюзном конкурсе она получила III премию), исполнительница сочинений студентов-композиторов (в частности, «ПРОКОЛЛовцев» Шехтера, Ковалю, Давиденко), Лия Моисеевна вынуждена была прервать концертную деятельность после перелома плеча в тяжелой автокатастрофе. В этот период она, как бы походя, сделала очаровательную обработку шумановской «Орешины» («Мирты», ор. 25), изданной намного позднее, в 1967 «Музыкой», — изумительное достижение для автора одной пьесы, да еще с коротким каноном в репризе, которым она трогательно гордилась. Я, право, счастлив, что записав «Орешину» на диске, сделал имя Л.М. Левинсон известным американской публике.

Но более всего Лия Моисеевна нашла себя в педагогике. Список ее учеников поистине огромен! На певучем «Блюэттере» в 42-м классе к ней приходили играть и официальные студенты, и те, кому дороги были ее мнение, ее замечания. (...)

Я запомнил навсегда и передаю другим ее слова: «Когда тебе бывает в жизни совсем плохо, слушай скрипичный концерт Бетховена».

Царство Вам Небесное, наша дорогая, незабываемая Лия Моисеевна, спасибо за все.

Дмитрий ПАПЕРНО

«Пианистка Лия Моисеевна Левинсон-Шехтер. 1905—2000». Такая надпись появилась несколько дней назад, 14 сентября, на памятной доске в Ваганьковском колумбарии. 14 апреля 1905 — 20 июня 2000, почти весь уходящий век прожила эта удивительная женщина, испытывавшая многие превратности судьбы и не получившая почти никаких официальных регалий. Третья премия на Первом Всесоюзном конкурсе музыкантов-исполнителей в 1933 (первую премию получил Эмиль Гилельс), с того же года — ассистент-преподаватель фортепианного факультета Московской консерватории, с 1939 — доцент, с 1961 — пенсионер. Вот скупые данные ее послужного списка.

Ее имя не значится среди имен педагогов, воспитавших лауреатов международных конкурсов; на концертных афишах это имя появлялось только до войны. Но оно было почитаемо и почитается по сей день многими выдающимися музыкантами. Среди них — Мария Гринберг и Эмиль Гилельс, Татьяна Николаева, Дмитрий Башкиров, Раду Лупу, Лазарь Берман, Дмитрий Паперно, Борис Петрушанский, Евгений Кисин и многие-многие другие. Надо назвать не только пианистов, но и виолончелиста Даниила Шафрана, певицу Нелли Ли, а также многих музыковедов, учившихся у Лии Моисеевны в классе общего фортепиано.

Ученица Гольденвейзера, работавшая ассистентом в его классе, она занималась фактически со всеми его учениками. А главное — к ней все время приходили, приходили далеко не только студенты — за советом, поддержкой, играли свои новые программы, внимательно прислушиваясь к ее замечаниям. В последние годы к Лии Моисеевне приезжали, звонили ей, писали письма буквально со всех концов света.

В ее квартире на Брюсовом переулке все дышало музыкой, музыкой — языком ее души и ума. Когда Лия Моисеевна слушала музыку, говорила о ней, играла сама (а она садилась за рояль до последних дней жизни), невольно верилось в то, что музыка — это действительно излучение духовного света, пронизывающего мир. Этим светом лучились ее глаза, которые невозможно забыть. (...) Ее волновали литература, живопись, театр, природа, история, ее волновали людские судьбы, но все это, в конечном счете, переплавлялось в звуки. Навсегда осталось в памяти, как на одном из «четвергов» в Музее-квартире А.Б. Гольденвейзера Лия Моисеевна (ей тогда исполнилось 85!) играла Шопена — ее собственное переложение для одного фортепиано *Larghetto* из *f-moll*ного концерта и Сонату *h-moll*. Это было то полное торжество духа над материей, какое всегда грезится — но почти никогда не воплощается под пальцами — в музыке Шопена.

Лия Моисеевна могла услышать драгоценное «нечто» в игре ребенка, «среднего» ученика или скромного, мало кому известного исполнителя — и оно могло увлечь ее не меньше, чем искусство признанных мастеров. Высшая похвала этому драгоценному «нечто» в те минуты, когда кажется, что ты ничего не можешь — и строгая, спокойная критика, когда думаешь, что играешь уже «по-настоящему»... Такой способ всегда побуждал меня — в недолгое время «официального» обучения в классе Лии Моисеевны (1959-60) — к плодотворному труду. А играть для Лии Моисеевны, погружать звуки в ее не знавший усталости слух, ощущать ответный отклик в ее глазах и словах — всегда было величайшим счастьем, которое мне довелось испытывать до последних месяцев ее жизни.

Все, знавшие Лию Моисеевну, уверены, что имели счастливую возможность общаться с одним из самых больших Музыкантов XX века. Как замечательно, что эта хрупкая женщина имела мужество прожить такую долгую жизнь! Светлая ей память — эти традиционные слова абсолютно точно выражают главное — память ее светлой душе, память ее прекрасной внутренней музыке.

Екатерина ЦАРЕВА